

ИСКУШЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ ГРЫМОВА

Письмо принес сторож. Он достал его рано поутру из ящика для корреспонденции, висевшего на въездных воротах. Зимой ящик обычно пустовал: из 35 членов дачного кооператива "Сосны" круглый год здесь жили только трое - бывший вратарь сборной, такой старый, что фамилию его помнили лишь фанатики футбола, отставной генерал, пристально следивший за своим здоровьем в отсутствие других занятий, и драматург Савин, ныне входивший в моду как прозаик.

Вратарь выписывал только "Футбол", генерал "Красную звезду", и газеты эти выходили не каждый день. Савин газет не читал принципиально, а остальную корреспонденцию адресовал на московскую квартиру, куда наезжал пару раз в месяц. Так что письма в кооперативном ящике были редкостью и возбуждали у сторожа чувство ответственности.

Он неспешно проскрипел валенками по им же самим расчищенной дорожке, поднялся на открытую террасу писательской дачи со стороны кухни, просто так, для порядку - поскольку входить не собирался - постучал ногой об ногу, сбивая снег, и нажал кнопку звонка.

Савин от неожиданности вздрогнул и чуть было не уронил сковороду с неизменной холостяцкой яичницей. Выглянув в окно, он увидел спину уходящего сторожа. Раздраженный нелепостью ситуации и тем, что потерял нить зарождающейся, возможно перспективной мысли, Савин открыл дверь и уже глотнул морозного воздуха, чтобы окликнуть этого дурака, когда заметил в дверной ручке письмо.

Конверт стандартный, с портретом какого-то химика, известного одним химикам. Обратный адрес отсутствовал. Савин бросил письмо на подоконник с выражением, близким к брезгливости, которое появлялось у него на лице при общении с предметами и людьми, не имевшими отношения к его творческому процессу.

Если б он ведал, что это письмо может изменить его судьбу, то отнесся бы к нему повнимательнее, хотя, как известно, знание грядущего редко дает над ним власть.

Пока Савин жевал остывший скользкий белок, пытаясь войти в то состояние, когда он еще только разбивал скорлупу этих яиц, и вспомнить, что же ему пришло на ум, сбежало кофе и с гнусным шипением мгновенно растеклось по всей плите.

Савин швырнул сковороду в мойку к квасившейся там со вчерашнего дня посуде и в очередной раз подумал, что надо поскорее найти какую-нибудь простецкую бабу, способную варить постный борщ и управляться с мокрой тряпкой и пылесосом. Желательно - немую. Мысль о чужом человеке, который будет ходить по дому, что-то трогать, переставлять, издавать запахи, сопеть и - что всего ужаснее - задавать вопросы и высказывать свои соображения, заставляла Савина содрогаться. К тому же он отвык от общения с женщинами на бытовом уровне.

Бывшую жену он не видел 20 лет и не испытывал в этом потребности. Женщин не сторонился, хотя их внимание чаще раздражало. Внешностью, скажем прямо, Савин не блистал: невысок ростом, по мальчишески худощав, подвижен, но это магическое слово "писатель" влекло к нему дам, как пчел на арбуз. Периодически он встречался интимно с двумя-тремя проверенными временем приятельницами, чтобы не потерять форму. Его неприятные хозяйственные запросы удовлетворяла жена сторожа, но теперь сторожихины дети наняли собственную мать за деньги к новорожденной внучке, и бабка переехала в город. Савин вспомнил, что уже просил кого-то из знакомых порекомендовать ему домработницу, да, видно, надо поискать активнее.